

Глава 2

Шэнь Юй развернул сверток с деньгами. На ощупь пачка казалась довольно внушительной и плотной, но на деле лишь пара верхних листков оказались купюрами — внутри были спрятаны два талона на зерно.

Самым крупным номиналом была пятирублевая купюра. Следом шел один рубль с изображением женщины-трактористки, а также две бумажки по двадцать копеек и одна в десять. В общей сложности — шесть рублей пятьдесят копеек.

Парень на мгновение лишился дара речи.

«Какая нищета...»

Он нырнул в поток воспоминаний, который прежний владелец тела обрушил на него при пробуждении. Деньги эти, как выяснилось, достались ему от родного отца. Тот в свое время отдал сыну больше двадцати рублей — все свои скудные сбережения, накопленные тяжелым крестьянским трудом.

Шэнь Юй, успевший повидать жизнь и знавший цену человеческим отношениям, понимал: скорее всего, часть этих денег отец и вовсе занял. В семье стариков Шэнь разделом имущества и не пахло, а Шэнь Аньминь не умел скрытничать — всеми грошами в их маленьком хозяйстве заправляла мать.

Что же касается «родного отца»... Даже без чужой памяти юноша знал подоплеку. В романе, который он читал перед смертью, всё было расписано куда подробнее, чем знал сам Шэнь Юй из этой реальности.

Книга называлась «Разбогатеть в романе об эпохе». В ней рассказывалось о главном герое, Сяо Цзяхуэе, который в годы политики реформ и открытости поймал удачу за хвост, разбогател, эффектно проучил всех недоброжелателей, женился на подруге детства и в итоге пришел к идеальному финалу.

Прежний владелец этого тела был одним из тех самых «недоброжелателей», которых герой ставил на место. Из-за своего особого статуса он мелькал в сюжете долго, едва ли не треть всей книги.

А особенность его заключалась в том, что по документам он числился братом главного героя. Братом, с которым у него не было ни капли общей крови.

Проще говоря, они жили в сводной семье. Мать Шэнь Юя вышла замуж за отца Сяо Цзяхуэя, и парень стал для героя нежеланным младшим братом.

В оригинальной истории Лян Фэнся была городской образованной молодежью. В шестьдесят седьмом году по распределению она отправилась в глухую деревню Шанканьцзы в соседней провинции, где и познакомилась с Шэнь Аньмином.

Поскольку центральным персонажем был Сяо Цзяхуэй, прошлое Лян Фэнся упоминалось в книге вскользь — лишь пара фраз о том, что она была замужем в деревне и имеет сына-ровесника Цзяхуэя.

Там даже не упоминалось имя Шэнь Аньмина. Его Шэнь Юй узнал только из памяти покойного владельца тела.

Но воспоминания парня были куда более детальными и горькими. Мать привезла его в город в десятилетнем возрасте, когда он уже всё понимал и помнил.

В детстве, живя в деревне, он вечно слышал сплетни местных кумушек о своих родителях. Те порой нарочно дразнили ребенка, подбрасывая ему полуправдивые истории.

Суть сводилась к тому, что Лян Фэнся вышла замуж за Шэнь Аньмина вовсе не по любви. Однажды, когда она набирала воду, то упала в реку, и Аньминь ее спас. В те времена в маленькой консервативной деревне вид промокнувшей до нитки девушки в объятиях мужчины неизбежно порождает грязные слухи.

К тому же женщина слыла редкой красавицей. Не прошло и года после ее приезда, как вся округа знала: в Шанканьцзы поселилась «прекрасная, как цветок» горожанка.

После того случая у пункта размещения молодежи вечно отирались наглые бездельники. Они изводили не только Лян Фэнся, но и других девушек.

Вскоре после этого она «под давлением обстоятельств» вышла замуж за Шэнь Аньмина.

Это была самая популярная версия. По мере взросления Шэнь Юй постоянно слышал жалобы матери. Она твердила, что ей не следовало выходить за этого никчемного деревенщину, который, кроме пахоты, ничего в жизни не умеет.

В глазах окружающих Шэнь Аньминь и впрямь не был ей парой. В те годы массовая отправка молодежи в деревни только началась, и многие верили, что это ненадолго. Городские ребята были свято убеждены: они не останутся гнить в полях до конца дней, а потому редко связывали жизнь с местными.

Из-за выдающейся внешности у Лян Фэнся не было отбоя от поклонников среди своих. А её муж... Он проигрывал не только городским парням, но даже среди деревенских сверстников не считался завидным женихом.

Причина была проста: семья Шэнь была запредельно бедна.

Фамилия Шэнь — одна из самых распространенных в Шанканьцзы. Но если говорить конкретно о ветви Аньминя...

Когда Лян Фэнся вошла в их дом, всем заправляли дедушка и бабушка Аньминя. Старик и старуха Шэнь вырастили четырех сыновей и четырех дочерей. Дочери давно вышли замуж и покинули дом, а сыновья так и жили одной огромной общиной.

Невестки в этой семье оказались такими же плодовитыми, как и свекровь. У Шэнь Аньминя было больше десятка двоюродных братьев и сестер, да и родных четверо — сам он был третьим по счету.

Шэнь Юй, просмотрев эту запутанную генеалогическую сеть по отцовской линии, лишь хмыкнул.

«Неудивительно, что позже кругом развесили лозунги "Меньше детей — больше деревьев"»

В семье было столько сыновей, что одна только плата за их свадьбы пробивала в бюджете дыру. Именно из-за бесконечных споров о расходах на женитьбу старики не позволяли детям делиться до самого последнего момента.

Шэнь Аньминю на момент свадьбы было уже двадцать два года. По деревенским меркам — засидевшийся в холостяках жених, и всё из-за того, что в доме не было ни гроша на выкуп за невесту.

Сам он был человеком немногословным и простодушным. После свадьбы он жил по простому принципу: в делах хозяйства слушаться родителей, а в делах семьи — жену.

В памяти сына не осталось ни одного случая, когда отец повысил бы голос на мать. Даже когда Лян Фэнся в гнев кричала на него или колотила, он молча стоял, не шелохнувшись, а когда она успокаивалась — грел ей воду, чтобы она могла умыться.

Единственный раз, когда этот человек проявил бурные эмоции — когда Лян Фэнся нашла способ вернуться в город и заставила его развестись, а вскоре после этого забрала ребенка.

Почему она решила взять его с собой, парень не понимал. Он думал, мать просто не может с ним расстаться. К тому же он всегда был привязан к ней больше, чем к молчаливому отцу. Да и Лян Фэнся обещала: в городе их ждет счастливая жизнь.

Но в памяти Шэнь Юя навсегда отпечатался вечер накануне отъезда. Отец тайком сунул ему те самые двадцать рублей и, вздохнув, сказал:

— Береги себя. Если жизнь там не заладится — возвращайся. Пока я жив, куском хлеба всегда обеспечу.

Однако маленький Шэнь Юй, с детства наслушавшийся рассказов о том, как прекрасен город, уже всей душой стремился к новой жизни.

Лишь переступив порог незнакомого дома, он осознал: мать уже успела выйти замуж. У отчима было двое детей, и старший сын оказался его ровесником.

Юноша почувствовал, как в груди защемило. Образ маленького Шэнь Юя, растерянного и испуганного, становился в его сознании всё отчетливее, словно он сам пережил то унижительное знакомство.

В семье Сяо тогда жили шестеро: отчим Сяо Цзяньшэ, мать Лян Фэнся, родители отчима, а также дети от его первого брака — Сяо Цзяхуэй и Сяо Цзясинь.

И тут появился он — Шэнь Юй. Лишний. Избыточный.

Его приход не вызвал восторга. Неизвестно, какими словами мать убедила Сяо Цзяньшэ принять ребенка, но тот, будучи взрослым мужчиной, просто игнорировал пасынка. Зато Сяо Цзяхуэй и его сестра открыто демонстрировали ненависть и презрение, а старуха Сяо и вовсе следила за каждым шагом мальчика, словно за вором.

В атмосфере полного одиночества и враждебности ребенок всё отчаяннее жаждал любви, и его характер в этой удушающей обстановке начал постепенно деформироваться.

«Любовь? Родственные чувства? Ну-ну»

Шэнь Юй криво усмехнулся. Маленький наивный дурачок ничего не понимал, но он, как сторонний наблюдатель, знающий сюжет книги, видел всё насквозь.

Он мог с уверенностью сказать: Лян Фэнся стоила его собственной биологической матери. Разница была лишь в том, что одна была откровенной дрянью, а вторая мастерски играла роль, водя бедного мальчишку за нос.

Парень аккуратно свернул деньги и засунул их обратно в щель в стене. Если за столько лет заначку никто не нашел, значит, место надежное. Ему, новичку в этом мире, не стоило пороть горячку и что-то менять.

Спрятав свои скудные сбережения и разобравшись с памятью, Шэнь Юй отодвинул занавеску. Его каморка сразу наполнилась светом.

Он обулся в стоящие у кровати потрепанные тряпичные тапочки — подошва была истерта почти до дыр, но парня это не смутило. Он подтянулся на руках, высунул ноги из своего «гнезда» под потолком и замер.

По идее, раз уж его спальное место присобачили в воздухе, должен быть нормальный способ спускаться. Хотя бы лестница.

Но лестницы не было.

В доме имелась деревянная стремянка, которую обычно держали за дверь. Прежний владелец тела дожидался, когда все лягут спать, притаскивал ее и карабкался к себе.

Утром он вставал раньше всех, спускался и убирал лестницу на место, чтобы не выслушивать жалобы. Квартира площадью меньше тридцати квадратных метров, в которой ютилось восемь человек, не терпела лишних предметов на проходе.

Сейчас, пока Шэнь Юй лежал в лихорадке, кто-то, видимо, решил, что лестница мешает, и утащил ее.

Для экономии места ложе располагалось не так уж высоко — метра два от пола. Будь он в своем прежнем теле, даже хромым, он бы спрыгнул не задумываясь — опыт лазанья по заборам и подворотням научил его правильно приземляться.

Но сейчас...

Он уперся руками в край досок и оставил эту затею.

Тело было истощено болезнью и хроническим недоеданием. Мышц почти не осталось. Прыгнешь так — и точно снова станешь калекой.

Он обернулся к своему разбитому ящику, порылся в нем и выудил две кофты с длинными рукавами. Просунув рукав одной из них в щель между досками настила, он завязал его крепким узлом. Вторую кофту он привязал к первой. Получилось подобие веревочной лестницы с петлями для ног.

Дернув за самодельную конструкцию и убедившись, что доски держат, Шэнь Юй осторожно спустился вниз.

Оказавшись на полу, он замер, охваченный тихим восторгом. Он сделал пару шагов.

«Я и вправду больше не хромаю!»

Квартира была настолько крошечной, что в ней едва можно было развернуться, иначе он непременно пробежал бы несколько кругов.

Насладившись моментом, он почувствовал, как желудок отозвался требовательным урчанием. Он прижал ладонь к животу, который сводило от голода. Пора было перекусить.

Утром, когда семья завтракала, он метался в жару. Кажется, Лян Фэнся заходила позвать его, но он не смог проснуться, а потому остался без еды.

Вчера он вернулся поздно и застал лишь остатки ужина — полмиски пустой кукурузной каши, больше похожей на подкрашенную воду.

С того момента, как Шэнь Юй очнулся в этом теле, голод терзал его непрерывно. Он сам вырос в нужде, зная, что такое пустой желудок, и потому, когда начал зарабатывать, готов был терпеть любые лишения, кроме голода.

Он подошел к входной двери и дернул за ручку. Заперто.

Заглянув в окно под углом, он увидел на двери тяжелый навесной замок.

Юноша не удивился — он этого ожидал.

Старуха Сяо тряслась над каждой вещью. Если соседка по ошибке брала ее щепку для растопки, старуха шла к ней домой, требовала вернуть «имущество», да еще и с компенсацией. Сейчас, когда в доме остался один Шэнь Юй, она, конечно же, заперла дверь на все засовы.

Обойдя ту часть комнаты, где ему позволялось находиться, и убедившись, что еды для него не оставили, парень перевел взгляд на кухонный шкаф у правой стены.

На нем тоже висел замок, пусть и поменьше.

Шэнь Юй постоял перед шкафом с каменным лицом, а затем направился к куче хлама в углу.

Старик Сяо работал на мебельной фабрике и часто приносил домой обрезки и отходы. В одном из деревянных брусков юноша нашел то, что искал — тонкий кусок стальной проволоки.

Ребенок, выросший на улице, поневоле осваивает специфические ремесла.

Руки подзабыли навык, но замки в те времена были примитивными. Спустя пару минут механизм щелкнул.

На полке стояла миска с кукурузной кашей — остатки завтрака.

Горло саднило после лихорадки, и Шэнь Юй потянулся было к миске, но тут заметил на краю засохшие следы. Кто-то уже ел из нее.

Он брезгливо поставил миску обратно.

В нижнем ящике наверняка была крупа, но кухня находилась в конце общего коридора.

Парень отодвинул кашу в сторону и продолжил поиски. В глубине он обнаружил миску с вареными яйцами.

В большой чаше лежало шесть штук. Те, что снизу, еще сохранили едва уловимое тепло — видимо, их сварили только сегодня утром.

В семье Сяо было четверо детей. Только младшему, Сяо Цзяю, общему сыну Лян Фэнся и Сяо Цзяньшэ, не нужно было брать еду с собой. Остальные трое, включая Шэнь Юя, обычно брали обед в школу.

Даже если старуха Сяо и пыталась соблюдать видимость справедливости, она всё равно умудрялась обделить пасынка: Сяо Цзяхуэю и его сестре доставались булочки побольше и порции погуще.

А за закрытыми дверями... Всё было еще проще. Она варила девять яиц. Детям Сяо — по одному на завтрак. Шэнь Юю — ничего. Оставшиеся шесть штук предназначались детям Сяо на следующие два дня.

Знал ли об этом прежний Шэнь Юй? Конечно, знал. Цзяхуэй учился с ним в одном классе и никогда не стеснялся есть яйца прямо у него на глазах. Младший Цзяю и вовсе не любил желтки — он выковыривал их и швырял в брата.

Но парень притворялся, что не замечает. У него не было права голоса.

Старуха Сяо при каждом удобном случае рассыпалась в проклятиях, понося «лишние рты», которые проедают казенный хлеб. Даже Лян Фэнся, его собственная мать, прекрасно всё видя, предпочитала помалкивать. Более того, она твердила сыну:

— Мама так тяжело трудится, чтобы ты мог жить в городе и учиться. Будь послушным, не расстраивай меня. Если бы не я, ты бы всю жизнь в земле ковырялся, как твой отец.

А на самом деле? Когда Лян Фэнся возвращалась в город, ей полагалась квота на перевозку ребенка и оформление ему городской прописки. Каждому городскому ребенку ежемесячно

выделялся паек и выдавались талоны на продовольствие.

Да, продукты нужно было покупать, но цены тогда были копеечными. Полкило муки высшего сорта стоило десять-двадцать копеек, кукурузная мука и вовсе гроши. Для рабочего с зарплатой в несколько десятков рублей проблемой были не деньги, а именно талоны.

Маленький Шэнь Юй ел мало, а просить добавки и вовсе боялся. Он никогда не съедал свою норму, но талоны, выписанные на его имя, исчезали бесследно.

Шэнь Юй криво усмехнулся, ногой подтянул табурет и уселся прямо у шкафа, обхватив миску руками.

Он вытащил два яйца, которые еще хранили тепло, ловко обстучал их об стенку и очистил. Два укуса — и яйца нет.

Меньше чем через пять минут в миске осталась только гора скорлупы.

<http://bllate.org/book/15805/1422022>